

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).
Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.581'42+811.581'38+81'27+811.581'373
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55+Ш100.63+Ш171.1-3

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Айгуль Рамилевна Петунина^{1,3}, Альбина Анваровна Билялова²

¹ Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия, arrrtica91@gmail.com, SPIN-код: 8387-6280

² Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Елабуга, Россия, abill71@mail.ru, SPIN-код: 1343-7998

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Культурно маркированная лексика в политическом медиадискурсе КНР: к определению понятия и типологии

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу культурно маркированной лексики (КМЛ), выступающей одним из ключевых средств конструирования смыслов в современном политическом медиадискурсе Китая. Актуальность темы связана не только с возрастанием международной роли КНР, но и с необходимостью выработки адекватных переводческих решений при передаче культурно-специфичных единиц. **Цель работы** — предложить рабочее определение КМЛ применительно к китайскому политическому медиадискурсу и построить типологию, пригодную для дальнейшего изучения переводческих стратегий и межкультурной рецепции.

Исследование выполнено с опорой на методы дискурсивного анализа, сопоставительного изучения дефиниций и контекстуального анализа. Теоретическую основу составили труды по политической лингвистике, теории перевода, дискурс-анализу и лингвокультурологии.

В ходе работы уточнено содержание понятия «культурно маркированная лексика»: предлагается трактовать его шире, чем традиционные «реалии» или понятие «безэквивалентная лексика», включая не только классические единицы, но и современные идеологические неологизмы, политические термины-реалии и прецедентные феномены. Построена четырехчастная типология КМЛ, каждая из частей проиллюстрирована примерами из официального медиадискурса КНР (2012–2025). Выделены основные функции КМЛ: легитимация, идентификация, эмоционально-суггестивная, когнитивно-моделирующая и трансляция «мягкой силы». Обоснована открытость предложенной классификации, а также намечены направления ее возможного расширения (аббревиатуры, риторические формулы, метафоры нового поколения, прецеденты новейшей истории). Предложенная типология может служить инструментом для корпусных и экспериментальных исследований восприятия КМЛ, а также использоваться в практике перевода политических текстов и в учебных курсах по политической лингвистике и межкультурной коммуникации.

Выводы. Введение операционального определения КМЛ и ее типологии позволяет перейти от общих рассуждений о культурной специфике к эмпирически верифицируемому анализу того, как именно те или иные типы единиц «работают» в иноязычной среде. При этом сама типология понимается как открытая система, допускающая дальнейшую детализацию и дополнение по мере расширения корпуса и углубления исследовательских задач.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиадискурс, медиатексты, китайские СМИ, средства массовой информации, языковые средства, язык СМИ, лингвокультурология, китайская лингвокультура, культурная специфика, культурно маркированная лексика, идеологические неологизмы, мягкая сила, перевод.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Петунина Айгуль Рамилевна, старший преподаватель кафедры филологии, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия; аспирантка, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, email: arrrtica91@gmail.com.

Билялова Альбина Анваровна, профессор, доктор филологических наук, профессор Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета, Елабуга, Россия, email: abill71@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Петунина, А. Р. Культурно маркированная лексика в политическом медиадискурсе КНР: к определению понятия и типологии / А. Р. Петунина, А. А. Билялова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 231–237.

Aygul' R. Petunina^{1,3}, Al'bina A. Bilyalova²

¹ Naberezhnye Chelny Institute (Branch of Kazan Volga Federal University), Naberezhnye Chelny, Russia, arrrtica91@gmail.com, SPIN code: 8387-6280

² Elabuga Institute (Branch of Kazan Volga Federal University), Elabuga, Russia, abill71@mail.ru, SPIN code: 1343-7998

³ Kazan Volga Federal University, Kazan, Russia

Culturally Marked Vocabulary in the Political Media Discourse of China: Towards a Definition and Typology

ABSTRACT. *The paper analyzes culturally marked vocabulary as a key instrument of constructing meaning within contemporary Chinese political media discourse. The relevance of the topic stems both from China's growing international influence and from the need to develop adequate translation strategies for conveying culturally specific units. The study aims to suggest a working definition of culturally marked vocabulary applicable to Chinese political media discourse and to develop a typology suitable for further research of translation strategies and intercultural reception.*

The research draws on the methods of discourse analysis, comparative analysis of definitions, and contextual analysis. The theoretical framework includes works in political linguistics, translation studies, discourse analysis, and linguoculturology.

The article refines the concept of “culturally marked vocabulary”: it is interpreted broader than the traditional “realia” or “non-equivalent vocabulary”, encompassing not only classical units but also modern ideological neologisms, political realia terms, and precedent phenomena. The study presents a four-part typology of culturally marked vocabulary, and each part is illustrated with examples from China's official media discourse (2012–2025). The main functions of culturally marked vocabulary are identified: legitimation, identification, emotional-suggestive, cognitive-modeling, and proliferation of soft power. The openness of the suggested classification is justified, and possible directions for its expansion (abbreviations, rhetorical formulas, new-generation metaphors, recent historical precedents) are outlined. The suggested typology can serve as a tool for corpus-based and experimental studies of culturally marked vocabulary perception, as well as for translation of political texts and for university courses in political linguistics and intercultural communication.

Conclusion. *Introduction of an operational definition of culturally marked vocabulary and its typology makes it possible to move from general observations about cultural specificity to empirically verifiable analysis of how different types of units function in a foreign-language environment. The typology itself is understood as an open system, allowing further refinement and expansion as the corpus grows and research objectives deepen.*

KEYWORDS: *political discourse, political texts, journalism, media discourse, media texts, Chinese media, mass media, language means, mass media language, linguoculturology, Chinese linguoculture, cultural specificity, culturally marked vocabulary, ideological neologisms, soft power, translation.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Petunina Aygul' Ramilevna, Senior Lecturer of Department of Philology, Naberezhnye Chelny Institute (Branch of Kazan Volga Federal University), Naberezhnye Chelny, Russia; Post-Graduate Student of Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Volga Federal University, Kazan, Russia.*

Bilyalova Al'bina Anvarovna, Doctor of Philology, Professor of Elabuga Institute (Branch of Kazan Volga Federal University), Elabuga, Russia.

FOR CITATION: *Petunina A. R., Bilyalova A. A. (2026). Culturally Marked Vocabulary in the Political Media Discourse of China: Towards a Definition and Typology. In *Political Linguistics*. No 2 (116), pp. 231-237. (In Russ.).*

Политический медиадискурс современного Китая последние несколько лет находится в центре внимания лингвистов, политологов и специалистов по межкультурной коммуникации. Причины здесь понятны: страна активно наращивает присутствие в глобальном информационном пространстве и используемые языковые средства нередко оказываются не вполне «прозрачными» для внешнего наблюдателя. Особую сложность представляет пласт лексики, который мы предлагаем называть культурно маркированным. В него попадают и традиционные чэньюй, и цитаты из древних канонов, и недавно сконструированные идеологические лозунги типа «китайская мечта», и специфические политические реалии («две сессии», «борьба с бедностью»), и отсылки к событиям или персонажам, хорошо известным китайской аудитории, но зачастую ничего не говорящим людям за пределами страны.

В российской и зарубежной науке накоплен солидный багаж знаний об отдельных составляющих этого явления. Достаточно назвать работы, посвященные чэньюй как лингвокультурным константам [Васильева, Маркова 2020; Ветров 2011; Шагдурова 2021], исследования идеологических неологизмов в выступлениях китайских лидеров [Mottura 2020], а также классические труды

по переводу культурно-специфичной лексики [Тер-Минасова 2008; Влахов, Флорин 1986; Комиссаров 1990]. Однако, на наш взгляд, до сих пор отсутствует единое операциональное понятие, которое позволило бы объединить все перечисленные разновидности в рамках одного исследовательского подхода. Без такого объединяющего понятия трудно выстроить последовательную методику анализа, а тем более перейти к экспериментальной проверке того, как именно эти единицы воспринимаются носителями иной культуры.

В последние годы появились работы, где делаются шаги в этом направлении. Например, исследование Ю. Ло и соавторов [Luo et al. 2025], выполненное на материале годовых обращений председателя КНР, выявило устойчивые стратегии номинации и предикации, с помощью которых в церемониальном жанре легитимируется власть и конструируется национальный нарратив. А в монографии Ю Цзинь [Yu Jin 2024] на основе корпусного анализа западных СМИ показано, как ключевые политические термины Китая по-разному усваиваются внешней аудиторией в зависимости от выбранной переводческой стратегии. Настоящая статья продолжает эту линию, но акцент в ней делается не на переводе или восприятии, а на

предварительной систематизации самого объекта — культурно маркированной лексики. Цель работы — выработать рабочее определение КМЛ применительно к политическому медиадискурсу КНР и построить типологию ее единиц, которая в дальнейшем могла бы стать основой для анализа переводческих решений и изучения межкультурной рецепции.

Прежде чем строить типологию, необходимо определиться с тем, что мы вообще имеем в виду, говоря о культурно маркированной лексике. В лингвистической литературе существует целый ряд терминов, описывающих единицы с ярко выраженной национально-культурной составляющей: это и «безэквивалентная лексика» [Виноградов 2001], и «реалии» [Влахов, Флорин 1986], и «лингвокультурные константы» [Беляева, Ковш, Савченко 2017; Гаспарян 2022¹], и «прецедентные феномены» [Караулов 1987], и «культурно-специфичная лексика» [Тер-Минасова 2008]. Каждое из этих понятий акцентирует какой-то один аспект: безэквивалентность, отнесенность к быту или истории, устойчивость и воспроизводимость, опору на общее знание. Однако для нашего объекта — политического медиадискурса Китая — ни один из этих терминов по отдельности не является достаточным. Понятие «реалии» ориентировано преимущественно на бытовую и историческую сферу и не охватывает идеологические конструкты современного политического дискурса. Подход В. С. Виноградова [Виноградов 2001], фокусирующийся на безэквивалентности, фиксирует факт отсутствия перевода, но не объясняет прагматическую функцию таких единиц в дискурсе власти. Что же касается «прецедентных феноменов» [Караулов 1987], то их категория слишком широка и не учитывает специфически сконструированные идеологические неологизмы, которые не имеют нарративной основы в классической культуре. Во-первых, мы имеем дело не только с традиционными единицами, уходящими корнями в древность, но и с относительно новыми образованиями, которые сознательно сконструированы по образцу классических (например, «четыре всесторонних» или «сообщество единой судьбы человечества»). Во-вторых, для нас важна не столько «непереводимость» в строгом смысле, сколько тот факт, что за каждой такой единицей стоит сложный комплекс ассоциаций, исторических и моральных смыслов, который для китайского адресата практически автоматически актуа-

лизуется, а для внешнего адресата остается скрытым. В-третьих, эти единицы регулярно становятся объектом переводческих решений, причем решения эти, как правило, институционально регулируются и имеют далеко идущие прагматические последствия.

Исходя из сказанного, мы предлагаем следующее рабочее определение: **культурно маркированная лексика (КМЛ)** — это любой лексический элемент современного политического медиадискурса КНР, который актуализирует связь с традиционной культурой, историей, философией или идеологическими установками и является носителем культурно-специфичных смыслов, требующих особых переводческих стратегий. Такое определение, как нам кажется, обладает тремя важными достоинствами. Оно охватывает как классическое наследие, так и новообразования. Оно фиксирует функциональную направленность: единица не просто «принадлежит» культуре, но в актуальном употреблении отсылает к глубинным смыслам, не очевидным для непосвященного. И оно напрямую указывает на переводческую проблематику, что делает его удобным для дальнейших этапов исследования.

Материалом для построения типологии послужили тексты, относящиеся к разным жанрам политического медиадискурса Китая: выступления председателя КНР (2012–2025), официальные новостные сообщения агентства «Синьхуа» и газеты «Жэньминь жибао», тексты пропагандистских кампаний, публикации в социальных сетях (WeChat, Weibo). Общий объем проанализированных материалов составил около 1,2 млн словоупотреблений. Хронологические рамки охватывают период с 2012 по 2025 г., что позволяет проследить динамику появления новых единиц и изменение частотности уже существующих. Выбор нижней границы обусловлен началом нового политического цикла (XVIII съезд КПК), верхняя граница соответствует современному состоянию дискурса. В результате анализа мы выделили четыре основных типа КМЛ, каждый из которых имеет внутреннюю структуру и специфические особенности перевода.

Первый и, возможно, наиболее традиционный тип — **классическая лексика**. Это единицы, прямо восходящие к китайской традиции, зафиксированные в письменных памятниках и сохранившие в современном языке устойчивую связь с первоисточником. Внутри этого типа можно различить несколько разновидностей. Во-первых, это чэньюй

¹ Гаспарян Н. К. Лингвокультурные константы «семья», «Родина», «труд» : на материале русского и армянского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Калининград, 2022. — 24 с.

(成语) — устойчивые четырехморфемные идиомы, часто представляющие собой свернутый нарратив или моральное наставление. Например, 众志成城 («единая воля крепче стали») регулярно используется в медиа для обозначения национальной консолидации. Во-вторых, прямые цитаты из канонических текстов (引经据典) — дословные заимствования из «Луньюя», «Даодэцзина», «Ицзина» и других классических сочинений. Показательный пример — обращение к «Ицзину» на торжественном собрании по случаю 100-летия КПК: 天行健, 君子以自强不息 («Небеса здоровы, и благородный муж непрерывно совершенствует себя»). В таком контексте цитата выполняет функцию «освящения» современной политической повестки. В-третьих, исторические аллюзии и притчи (典故) — отсылки к конкретным сюжетам, требующие знания соответствующего контекста. Классический пример — 井底之蛙 («лягушка на дне колодца»), восходящий к «Чжуан-цзы» и используемый для критики изоляционизма или ограниченности мышления. Наконец, к этому же типу можно отнести ключевые этико-философские концепты, такие как 君子 (благородный муж), 德 (добродетель), 大同 (великое единение), 和 (гармония). Эти концепты нередко становятся смысловыми узлами, вокруг которых выстраиваются целые фрагменты политического дискурса.

Второй тип, пожалуй, наиболее активно пополняющийся в последнее десятилетие, составляют **идеологические неологизмы**. Речь идет о новых четырехморфемных формулах, которые по форме напоминают чэньюй, но имеют не стихийно сложившееся, а сознательно сконструированное происхождение. Их функция — упаковывать сложные политические концепции в компактные, ритмически организованные единицы, удобные для запоминания и тиражирования. К числу наиболее известных можно отнести «中国梦» (китайская мечта), «一带一路» (один пояс — один путь), «人类命运共同体» (сообщество единой судьбы человечества), «四个全面» (четыре всесторонних), «新发展理念» (новая концепция развития). Появление новых неологизмов идет неравномерно. Самый заметный всплеск пришелся на 2022–2023 гг., что, скорее всего, объясняется выходом итоговых документов XX съезда КПК и формированием обновленной идеологической повестки. А в 2024–2025 гг. терминосистема стабилизируется: свежих единиц появляется всё меньше, зато уже введенные начинают использоваться гораздо чаще, их частотность растет [Няньду жэцы 2025]. Ха-

актерный пример — «новые производительные силы» (新质生产力), появившиеся в 2023 г. За два года частота употребления этого термина в официальных медиа выросла в 12 раз, и к 2025-му он вошел в десятку самых популярных политических терминов.

Третий тип — политические термины-реалии. Если идеологические неологизмы часто несут философский оттенок, то реалии называют конкретные институты, программы или элементы политической системы Китая. У них тоже нет прямых аналогов за пределами КНР, но их специфика более «техническая», институциональная. Типичные примеры: «两会» (две сессии — сессии Всекитайского собрания народных представителей и Народного политического консультативного совета Китая), «脱贫攻坚» (борьба с бедностью), «反腐倡廉» (антикоррупционная кампания), «双循环» (двойная циркуляция). При переводе таких единиц главное — не столько подобрать культурный эквивалент, сколько дать институциональную адаптацию: объяснить, что стоит за названием и какое место соответствующая программа или орган занимают в политической системе [Yu Jin 2024].

Четвертый тип — прецедентные имена и события. Это отсылки к историческим личностям, датам, событиям, которые работают как «якоря» коллективной памяти. В китайском медиадискурсе они выполняют важную риторическую роль: позволяют выстроить линию преемственности, придать современным событиям исторический масштаб или, наоборот, провести негативную параллель. Например, упоминание «восстания тайпинов» в контексте народных движений, отсылки к Шелковому пути как исторической предтече инициативы «Пояс и путь», обращение к Конфуцию или Цюй Юаню для апелляции к традиционным ценностям. Для внешней аудитории такие отсылки без специального комментария часто остаются закрытыми.

Предложенная четырехчастная структура, на наш взгляд, охватывает основной корпус культурно маркированных единиц, которые активно функционируют в китайском политическом медиадискурсе исследуемого периода. Но мы не считаем ее окончательной и исчерпывающей. Типология задумана как открытая. Если расширять корпус — например, включать неофициальные медиа, интернет-мемы, публицистику — или смещать фокус на специфические переводческие задачи, может понадобиться и дальнейшая детализация выделенных типов, и добавление новых категорий.

Возможные направления развития классификации видятся в следующем.

Аббревиатуры и сокращения в китайском политическом языке часто сами по себе становятся культурно маркированными знаками. Такие единицы, как «**两山**» (сокращение от «**绿水青山就是金山银山**»), «**三严三实**» или «**两个维护**», при переводе требуют не просто расшифровки, а пояснения их идеологической нагрузки.

Риторические парные конструкции — например, «**不忘初心, 牢记使命**», «**撸起袖子加油干**» — не относятся в строгом смысле ни к классическим чэньюй, ни к идеологическим неологизмам, но при этом обладают высокой устойчивостью и несут значительный культурный вес.

Метафоры нового поколения не восходят напрямую к древним текстам, но активно тиражируются в медиа. Это метафоры «окна», «моста», «кораблей» в описании международных отношений, а также концептуальные метафоры из традиционной китайской медицины, когда, скажем, экономику «лечат от болезни».

Внутри категории прецедентных феноменов полезно различать **прецеденты классической древности** (Конфуций, Цюй Юань) и **прецеденты новейшей истории** (дух Лэй Фэна, «эра реформ и открытости», юбилейные даты), поскольку их культурная маркированность опирается на разные типы памяти — традиционную и идеологическую. Наконец, за рамками чисто лексического подхода остаются **гибридные семиотические единицы**: иероглифические символы, логотипы, визуальные метафоры в сопровождении вербального компонента. Их анализ — возможная перспектива на стыке лингвистики и семиотики. Все эти направления не отменяют предложенную типологию, но показывают, что она обладает внутренним потенциалом для дальнейшего уточнения.

Выделенные типы КМЛ, разумеется, не существуют изолированно; они вплетены в ткань дискурса и выполняют целый ряд функций. Нам представляется важным не просто перечислить эти функции, но и показать, как они связаны с конкретными типами единиц. Первая функция — **легитимация**. Апелляция к традиции, истории или авторитету каноничности придает современным политическим решениям вес «освященной веками мудрости». Эта функция наиболее ярко реализуется через прямые цитаты из каноничности и исторические аллюзии. Когда в выступлении лидера звучит фраза из «Ицзина», она не столько информирует, сколько создает эффект преемственности, включенности в длительную традицию [Шейгал 2004]. Вторая функция — **идентификация**. Насыщенная КМЛ речь маркирует говорящего как носите-

ля подлинно китайской культуры. Для внутренней аудитории это сигнал «свой», для внешней — демонстрация культурной самобытности. В этом смысле даже неудачный перевод может работать на идентификацию: сам факт использования неадаптированных единиц подчеркивает дистанцию.

Третья функция — **эмоционально-суггестивная**. Ритмическая организация, образность и апелляция к архетипическим сюжетам делают КМЛ мощным средством эмоционального воздействия. Хорошей иллюстрацией может служить слово «устойчивость» (韧性), которое в 2025 г. стало одним из ключевых: изначально техническое, оно приобрело яркую эмоциональную окраску, апеллируя к архетипу способности преодолевать трудности. Исследование новогодних обращений [Luo et al. 2025] показало, что частота употребления этого термина коррелировала с ростом позитивных ожиданий аудитории. Четвертая функция — **когнитивно-моделирующая**. КМЛ упаковывает сложные политические концепции в компактные формулы, которые легче воспринимаются и тиражируются. Идеологические неологизмы («четыре всесторонних», «китайская мечта») работают как когнитивные рамки, направляющие интерпретацию [Ян Ш., Янь Я. 2024; Лань Ю. 2022]. Наконец, пятая функция — **трансляция мягкой силы**. В международной коммуникации КМЛ служит инструментом позиционирования Китая как «цивилизационного государства». При этом успех или неуспех зависит от того, насколько удачно эти единицы переведены. Как справедливо отмечает Ю Цзинь [Yu Jin 2024], качество перевода может стать либо точкой роста символической власти Китая, либо, напротив, превратить мощный ресурс традиции в «пустой звук» для внешней аудитории.

Перечислим основные характеристики выделенных типов КМЛ. Классическая лексика (чэньюй, цитаты из каноничности, исторические аллюзии, этико-философские концепты) выполняет преимущественно функции легитимации и идентификации, а ее перевод требует пояснения культурного контекста и часто оказывается безэквивалентным. Идеологические неологизмы («китайская мечта», «один пояс — один путь», «новые производительные силы») нацелены на когнитивное моделирование и трансляцию мягкой силы; для них характерна стандартизация официальных переводов и высокая динамика появления новых единиц. Политические термины-реалии («две сессии», «борьба с бедностью», «двойная циркуляция») также служат легитимации и идентификации, но требуют прежде всего институциональной адап-

тации, а не поиска культурного эквивалента. Прецедентные имена и события (Конфуций, Шелковый путь, восстание тайпинов) выполняют функции идентификации и легитимации, а их перевод нуждается в контекстуализации и, как правило, комментарии.

Предложенная типология, как нам представляется, позволяет решить сразу несколько задач. Во-первых, она дает возможность операционализировать понятие КМЛ: теперь каждая единица может быть отнесена к определенному типу, что открывает путь для количественных и качественных сопоставлений. Во-вторых, типология задает рамку для анализа переводческих стратегий: можно предположить, что классическая лексика и этико-философские концепты требуют иных решений, чем идеологические неологизмы или политические реалии. В-третьих, она может быть использована при разработке учебных курсов по переводу и межкультурной коммуникации. Особенно важным представляется то, что типология создает основу для экспериментального изучения восприятия. В современной лингвистике всё чаще поднимается вопрос о том, как именно культурно-специфичные единицы декодируются носителями иной культуры. Работы Н. А. Завьяловой и В. В. Савиновских [Завьялова, Савиновских 2023] показывают, что политический контрфактуальный нарратив, насыщенный такими единицами, может становиться для внешнего адресата «загадкой», требующей специальных усилий по расшифровке. Применительно к китайскому дискурсу это означает, что использование КМЛ без учета возможной асимметрии восприятия может приводить к эффекту «культурной глухоты». Предлагаемая типология позволяет выделить те типы единиц, которые наиболее уязвимы в этом смысле, и наметить пути их адаптации.

Подводя итог, можно сформулировать три основных результата работы. Во-первых, предложено рабочее определение КМЛ, которое, в отличие от существующих (реалии, безэквивалентная лексика, прецедентные феномены), охватывает как традиционные, так и современные идеологические единицы, фиксирует их функциональную направленность и прямо указывает на переводческую проблематику. Во-вторых, на основе анализа материалов 2012–2025 гг. построена четырехчастная типология КМЛ (классическая лексика, идеологические неологизмы, политические термины-реалии, прецедентные имена и события), которая задает координаты для дальнейшего, более глубокого анализа переводческих стратегий и межкультурной рецепции. В-третьих, обос-

нована открытость предложенной классификации: по мере расширения корпуса, включения новых жанров или смещения исследовательского фокуса типология может быть детализирована и дополнена (аббревиатуры, риторические формулы, метафоры нового поколения, прецеденты новейшей истории). Именно такой путь — от типологии к эмпирической верификации, с сохранением возможности уточнять саму типологию, — представляется нам наиболее перспективным для изучения роли культурно маркированной лексики в международной политической коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беляева, И. Ф. Лингвокультурные константы и концепты: проблема дефиниции / И. Ф. Беляева, Е. В. Ковш, Е. П. Савченко // Значимые личности в языке и культуре: к юбилею со дня рождения Ю. М. Лотмана. — Москва : Московский государственный областной университет, 2017. — С. 7–10. — EDN YTZFPB.
2. Васильева, А. А. Лингвокультурологическая характеристика чэньюев с компонентом 梦 / А. А. Васильева, С. П. Маркова // Казанская наука. — 2020. — № 12. — С. 139–141. — EDN DAZRAA.
3. Ветров, П. П. Textoобразующие функции китайских фразеологических единиц (на основе анализа экспериментального и текстового материала) / П. П. Ветров // Вестник Московского института лингвистики. — 2011. — № 1. — С. 8–23. — EDN REDILB.
4. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. — Москва : Изд-во ИОСО РАО, 2001. — 224 с. — ISBN 5-7552-0041-6.
5. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — 2-е изд. — Москва : Высшая школа, 1986. — 416 с.
6. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Москва : Прогресс, 1989. — 312 с.
7. Завьялова, Н. А. Политический контрфактуальный нарратив как загадка из прошлого / Н. А. Завьялова, В. В. Савиновских // Политическая лингвистика. — 2023. — № 2 (98). — С. 139–146. — DOI 10.26170/1999-2629_2023_02_15. — EDN DDEHCE.
8. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 261 с. — EDN PWFIXL.
9. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. — Москва : Высшая школа, 1990. — 253 с. — ISBN 5-06-001057-0.
10. Константы культуры России и Монголии : очерки истории и теории / А. В. Иванов, М. Ю. Шишин, Е. В. Макарова [и др.]. — Барнаул : Алтайский дом печати, 2010. — 313 с. — ISBN 978-5-98550-167-4. — EDN VXYPOM.
11. Лань, Ю. Китайская мечта как идеологическая концепция новой эпохи развития КНР / Ю. Лань // Общество: политика, экономика, право. — 2022. — № 4 (105). — С. 43–47. — DOI 10.24158/per.2022.4.6. — EDN ZPDRWD.
12. Морозкина, Е. А. Перевод китайской классической поэзии в России и за рубежом: к истории вопроса / Е. А. Морозкина, П. Чжао // Вестник Башкирского университета. — 2019. — Т. 24, № 1. — С. 229–233. — EDN FYCPXD.
13. Смирнов, И. С. Китайская поэзия в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях / И. С. Смирнов ; отв. ред. Б. Л. Рифтин. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2014. — 627 с. — (Orientalia et Classica: труды Института восточных культур и античности ; Вып. 55). — ISBN 978-5-7281-1671-4. — EDN TLZPMR.
14. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово/Slovo, 2008. — 264 с. — ISBN 978-5-211-05472-1. — EDN RBBKAF.
15. Шагдурова, Н. Б. Лингвокультурологический анализ устойчивых китайских выражений чэньюев содержащих знак

礼 (Ритуал) / Н. Б. Шагдурова // Научные междисциплинарные исследования : сборник статей XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 20 мая 2021 г.). — Москва : КДУ : Добросвет, 2021. — С. 257–263. — EDN JTIMAR.

16. Шейгал, Е. И. Семантика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — ISBN 5-7333-0144-9. — EDN QODCTF.

17. Ян, Ш. Перевод на русский язык числовых аббревиатур в китайском политическом дискурсе / Ш. Ян, Я. Янь // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 338–348. — EDN OAKCIW.

18. Няньду жэцзи : 2025 чжунго юяньянь шэнхо чжуанкун баогао = Ежегодные ключевые слова: отчёт о языковой ситуации в Китае 2025 // Чунцин жибао. — 2025. — 29 дек. — URL: https://www.cqrb.cn/2025-12/29/content_123456.html (дата обращения: 30.03.2026).

19. Luo, Yu. Discursive Strategies Uncovered: Understanding Chinese New Year Speeches / Yu. Luo, N. M. Ibrahim, U. Kh. Bt. U. M. Nordin // Theory and Practice in Language Studies. — 2025. — Vol. 15, No. 4. — P. 1196–1206. — DOI 10.17507/tpls.1504.18. — EDN TELTOC.

20. Mottura, B. Keywords in Chinese Political Language / B. Mottura. — Milano : Edizioni Unicopli, 2020. — ISBN 978-8840021584.

21. Xing, Z. Stylistic Features of Chinese Television Discourse: Lexical Aspect / Z. Xing, R. Hu, S. V. Tsymbal // International Humanitarian University Herald Philology. — 2023. — Т. 2, № 60. — P. 66–69. — DOI 10.32841/2409-1154.2023.60.2.16.

22. Yu Jin. 洞见大国: 「中国关键词」翻译与海外传播 = Understanding a Great Power: Translation and Overseas Dissemination of “Keywords of China” / Yu Jin. — Ухань : Изд-во Уханьского университета, 2024. — 182 с.

REFERENCES

1. Belyaeva, I. F., Kovsh, E. V., Savchenko, E. P. (2017). Lingvokul'turnye konstanty i kontsepty: problema definitivnosti = Linguocultural Constants and Concepts: The Problem of Definition. *Significant Personalities in Language and Culture: On the Anniversary of Yu. M. Lotman's Birthday*, 7–10. Moscow: Moscow Regional State University. EDN YTZFPB.

2. Vasil'eva, A. A., Markova, S. P. (2020). Lingvokul'turologicheskaya kharakteristika chehn'yuev s komponentom 梦 = Linguocultural Characteristics of Chengyu with the Component 梦. *Kazan Science*, 12, 139–141. EDN DAZRAA.

3. Vetrov, P. P. (2011). Tekstoobrazuyushchie funktsii kitayskikh frazeologicheskikh edinits (na osnove analiza eksperimental'nogo i tekstovogo materiala) = Text-Forming Functions of Chinese Phraseological Units (Based on the Analysis of Experimental and Textual Material). *Bulletin of the Moscow Institute of Linguistics*, 1, 8–23. EDN REDILB.

4. Vinogradov, V. S. (2001). Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) = Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues). Moscow: Izd-vo IOSO RAO, 224 p. ISBN 5-7552-0041-6.

5. Vlahov, S., Florin, S. (1986). Neperevodimoe v perevode = The Untranslatable in Translation. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola, 416 p.

6. Deyk, T. A. van (1989). Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya = Language. Cognition. Communication. Moscow: Progress, 312 p.

7. Zav'yalova, N. A., Savinovskikh, V. V. (2023). Politicheskiy kontrfaktual'nyy narrativ kak zagadka iz proshlogo = Political Counterfactual Narrative as a Riddle from the Past. *Political Linguistics*, 2(98), 139–146. DOI 10.26170/1999-2629_2023_02_15. EDN DDEHCE.

8. Karaulov, Yu. N. (1987). Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' = Russian Language and Linguistic Personality. Moscow: Nauka, 261 p. EDN PWFIXL.

9. Komissarov, V. N. (1990). Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Translation Theory (linguistic aspects). Moscow: Vysshaya shkola, 253 p. ISBN 5-06-001057-0.

10. Ivanov, A. V., Shishin, M. Yu., Makarova, E. V., et al. (2010). Konstanty kul'tury Rossii i Mongolii: ocherki istorii i teorii = Constants of Culture in Russia and Mongolia: Essays on History and Theory. Barnaul: Altayskiy dom pechati, 313 p. ISBN 978-5-98550-167-4. EDN VXYMOP.

11. Lan', Yu. (2022). Kitayskaya mechta kak ideologicheskaya kontseptsiya novoy ehpokhi razvitiya KNR = The Chinese Dream as an Ideological Concept of the New Era of China's Development. *Society: Politics, Economics, Law*, 4(105), 43–47. DOI 10.24158/pep.2022.4.6. EDN ZPDRWD.

12. Morozkina, E. A., Chzhao, P. (2019). Perevod kitayskoy klassicheskoy poezhii v Rossii i za rubezhom: k istorii voprosa = Translation of Classical Chinese Poetry in Russia and Abroad: On the History of the Issue. *Bulletin of Bashkir University*, 24(1), 229–233. EDN FYCPXD.

13. Smirnov, I. S. (2014). Kitayskaya poezhiya v issledovaniyakh, zametkakh, perevodakh, tolkovaniyakh = Chinese Poetry in Research, Notes, Translations, and Interpretations (Resp. Ed. B. L. Riftin). Moscow: Russian State University for the Humanities, 627 p. ISBN 978-5-7281-1671-4. EDN TLZPMR.

14. Ter-Minasova, S. G. (2008). Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Language and Intercultural Communication. Moscow: Slovo/Slovo, 264 p. ISBN 978-5-211-05472-1. EDN RBBKAF.

15. Shagdurova, N. B. (2021). Lingvokul'turologicheskii analiz ustoychivyykh kitayskikh vyrazheniy chehn'yuy soderzhashchikh znak 礼 (Ritual) = Linguistic and Cultural Analysis of Chinese Chengyu Set Expressions Containing the 礼 (Ritual) Character. *Scientific Interdisciplinary Research: Collection of Articles from the XIV Int. Scient. and Pract. Conf. (Saratov, May 20, 2021)*, 257–263. Moscow: KDU: Dobrosvet. EDN JTIMAR.

16. Sheygal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse. Moscow: Gnozis, 326 p. ISBN 5-7333-0144-9. EDN QODCTF.

17. Yan, Sh., Yan', Ya. (2024). Perevod na russkiy yazyk chislovykh abreviatur v kitayskom politicheskom diskurse = Translation of Numerical Abbreviations in Chinese Political Discourse into Russian. *Political Linguistics*, 5(107), 338–348. EDN OAKCIW.

18. Chongqing Ribao (2025, Dec. 29). Annual keywords: Report on the language situation in China 2025. Available at March 30, 2026 from https://www.cqrb.cn/2025-12/29/content_123456.html.

19. Luo, Yu., Ibrahim, N. M., Nordin U. Kh. Bt. U. (2025). Discursive Strategies Uncovered: Understanding Chinese New Year Speeches. *Theory and Practice in Language Studies*, 15(4), 1196–1206. DOI 10.17507/tpls.1504.18. EDN TELTOC.

20. Mottura, B. (2020). Keywords in Chinese Political Language. Milano: Edizioni Unicopli. ISBN 9788840021584.

21. Xing, Z., Hu, R., Tsymbal, S. V. (2023). Stylistic Features of Chinese Television Discourse: Lexical Aspect. *International Humanitarian University Herald Philology*, 2(60), 66–69. DOI 10.32841/2409-1154.2023.60.2.16.

22. Yu, Jin (2024). 洞见大国: 「中国关键词」翻译与海外传播 = Understanding a Great Power: Translation and Overseas Dissemination of “Keywords of China”. Wuhan: Wuhan University Press, 182 p.